

**Л.Н. Толстой:
методика обучения грамоте
(«Азбука» 1872 года)***

А.А. Штец

Особое внимание Л.Н. Толстой предлагает обращать на упражнения в предлогах: «Одну из главных трудностей для правильного чтения и написания на русском языке составляют предлоги.

Всякий ученик при чтении проглатывает короткие предлоги, как *о, у, с, к, в*, и от этого теряет смысл читаемого; а при писании – соединяет предлоги с теми словами, какие стоят после».

Для избежания подобных ошибок предлагаются упражнения – тексты, в которых предлоги выделены жирным шрифтом. При чтении рекомендуется обращать внимание ученика на то, что «коротенькие слова – *о, в, к* и т. п. – такие же особенные слова, как и самые длинные», а при письме – «от применения того или другого предлога – различно изменяются последующие слова. Для этой цели нужно дать ученику много примеров на каждый из применяемых предлогов, и главное – заставить его самого составлять изречения на заданные предлоги. Например: скажи мне что-нибудь, где было бы слово *на*, или *к*, или *с*, и т. п.».

Относительно последней рекомендации, связанной с применением знаний в самостоятельном составлении изречений, необходимо заметить, что практически каждое новое умение, осваиваемое учеником, в методической системе Л.Н. Толстого завершается обязательным его включением в творческую деятельность – в создаваемую учеником речь. На это указывал и сам педагог, признавая, что «писание составляет в Яснополянской школе главный способ изучения языка» [3, с. 191].

В качестве специальных упражнений в языке Л.Н. Толстой предлагал:

1) составление периодов из заданных слов, например, из слов *Николай, дрова, учиться* ученики могут составить «Ежели бы Николай не рубил дрова, то пришел бы учиться» или «Николай хорошо дрова рубил, надо у него поучиться» и т. п.;

2) сочинение стихов на заданный размер;

3) игра – угадывание слов, которая проводится таким образом: задается какое-нибудь слово – сначала существительное, потом прилагательное и т. п., – один ученик выходит за дверь, а остальные составляют фразы с заданным словом; затем вышедший угадывает это слово.

«Все эти упражнения, – определяет Л.Н. Толстой, – имеют одну общую цель: убедить ученика в том, что слово есть слово, имеющее свои непоколебимые законы, изменения, окончания и соотношения между этими окончаниями, – убеждение, которое долго не приходит им в голову и которое необходимо прежде грамматики» [3, с. 189].

Но для того чтобы ученик при обучении грамоте смог выступать речедетелем, успешно овладевающим литературным языком, и сам язык «Азбуки», как и всех книжек для детей, по убеждению Л.Н. Толстого, должен перерабатываться по определенным общим правилам [2, с. 130–134].

1. *Язык должен быть понятный, народный и умышленно не испещренный словами местного наречия.* Далее Л.Н. Толстой уточняет: «Язык должен быть не только понятный или простонародный, но язык должен быть хорошим. Красота или, скорее, доброта языка может быть рассматриваема в двух отношениях. В отношении самих слов употребляемых и в отношении их сочетания». В *отборе слов* методист советует «употреблять хорошие сильные слова» вместо «неточных, неясных, необразных слов».

* Продолжение публикации серии статей. Начало см. в № 3, 4, 5, 7, 8 за 2008 г.

В выборе сочетаний слов «мало сказать – нужны понятные короткие предложения, нужен просто хороший мастерский язык, которым отпечатывает простолюдin (простонародье) все, что ему нужно сказать. Длинный, закрученный период, со вставочными и вводными предложениями <...> не только не есть красота, но он почти всегда скрывает слабость мысли и всегда неясность мысли».

2. *Содержание должно быть доступно, неотвлеченно.* И в этом общеизвестном для методистов правиле Л.Н. Толстой выделяет главное: «Содержание может быть какое хотите. Но не должно быть болтовни заместо дела, не должно набором слов скрывать пустоту содержания». Для автора «Азбуки» содержание чтения определялось в первую очередь расширением жизненного кругозора учеников, освоением ими нравственных основ и готовностью к трудовой жизни. Другими словами, неотвлеченность содержания – это его связь с жизнью, во всем разнообразии и богатстве ее проявлений. Отсюда ярко выраженный энциклопедический характер «Азбуки»: наряду с текстами о жизни народа она включала рассказы о других странах и народах («Эскимосы», «Как в городе Париже починили дом», «Китайская царица Силинчи» и т.п.), об экзотических животных «Обезьяна», «Слон» и т.п.), о природных явлениях («Море», «От скорости сила», «Куда девается вода из моря?») и т.д.

Вместе с тем, по убеждению Л.Н. Толстого, содержание книг для народа может быть доступным, если оно определяется не искусственно кем-то для народа, да еще написанное «каким-то не русским языком, а вновь изобретенным языком, будто народным языком»: «Единственные же книги, понятные для народа и по его вкусу, суть книги, писанные не для народа, а из народа, а именно сказки, пословицы, сборники песен, легенд, стихов, загадок <...> и все, без исключения, памятники древней литературы. Я заметил, что дети имеют более охоты, чем

взрослые, к чтению такого рода книг; они перечитывают их по несколько раз, заучивают наизусть, с наслаждением уносят на дом и в играх и разговорах дают друг другу прозвища из древних былин и песен» [2, с. 158]. Поэтому «Азбука» необычайно насыщена текстами «из народа» в соответствующей литературной обработке. Как видим, и в содержании чтения абсолютно четко прослеживается общая позиция педагога-гуманиста идти от ребенка, опираясь на его внутренние потребности.

3. *Не должно слишком стараться быть поучительным, а дидактика должна скрываться под занимательностью формы.* Подразумевая под «дидактикой» мораль, Л.Н. Толстой настаивает: «Я не согласен, чтобы дети не любили мораль, они любят мораль, но только умную, а не глупую» [4, т. 8, с. 281]. Под «глупой моралью» имелась в виду сентиментальная нравоучительность, которая допускалась во многих известных педагогу букварях, как, например, в «Русской азбуке» И. Черникова: «Не бейте собаку кнутом, не то укусит; а ты, Лиза, отойди с куклой в сторону; видишь, как братья шалят!». И в самом деле братья Лизины шалили: они посадили большую куклу на спину дворовому барбосу и хотели, чтобы он возил ее, погоняя его кнутом, как лошадь» [5, с. 30].

В «Азбуке» Л.Н. Толстого большинство тестов моралистичны, но в отличие от приведенного примера их назидательность ненавязчива, она вытекает из самого повествования и, как правило, в афористичной форме. Например, как в рассказе о волке: «Волк съел овцу; охотники поймали волка и стали бить. Волк сказал: «Напрасно вы меня бьете: я не виноват, что сер; меня таким Бог сделал». А охотники сказали: *«Не за то бьют волка, что сер, а за то, что овцу съел».*

В подобных концовках выражается система ценностей, которая по существу определяет жизненные смыслы личности ученика. Это уважение к честному труду и презрение к праздной жиз-

ни; это идеи торжества добра, справедливости и взаимопомощи; идеи любви к ближнему, преодоления эгоизма и отвращения ко злу в любых его проявлениях и т.д. Как отмечал один из рецензентов «Азбуки», рассказы, вошедшие в учебник, «составлены живо, с тем мастерством, которое отличает все, что пишет граф Л.Н. Толстой; притом в них есть важное педагогическое достоинство: они не суют навязчиво детскому пониманию ту или иную истину морали или то или другое научное сведение, но они наводят детей на эти истины и понятия, что всего важнее. Он предоставляет детям делать вывод самим, он ничем не стесняет самостоятельность их суждения, не подсказывает, хорошо ли это или дурно, не говорит: милые дети, вот это от того-то и от того-то, но пробуждает в них желание узнать, почему это так» [2].

Глубокую оценку «Азбуке» дал современник Л.Н. Толстого, крупный ученый и педагог, неоднократно апробировавший «Азбуку» в школе, С.А. Рачинский: «Ни в одной европейской литературе ничего подобного не существует. Мы, кажется, забываем, что гр. Л.Н. Толстой – величайший из ныне живущих писателей, не только в России, но и в целом мире. Этот великий писатель посвятил несколько лет своей жизни сельской школе, много учил в ней и многому в ней научился. Его детские книги (пригодные для детей всех сословий) – не плод художественной прихоти, а жизненное дело, совершенное с глубочайшим вниманием ко всем его практическим подробностям, с высокою простотою и смирением. Во многих своих очерках и мелких рассказах он доходит до чисто пушкинской трезвости и силы» [1]. С теми или иными различиями, но в целом именно такую оценку получала литературная сторона «Азбуки» практически у всех исследователей творчества Л.Н. Толстого.

Таким образом, сформулированные великим писателем-педагогом общие правила в отношении детской книги могут расцениваться как собст-

венно методические принципы содержания обучения грамоте и, следовательно, определенной аксиологичности образовательной среды. Опираясь на эпистемическую сторону русского языка как носителя многовековой культуры народа, Л.Н. Толстой целенаправленно перерабатывает его в доступную для ребенка литературную форму и таким образом обеспечивает **общекультурное развитие школьника**. Не случайно, работая над «Азбукой», великий педагог стремился к тому, чтобы по ней могли «учиться два поколения русских всех детей от царских до мужицких» [4, т. 61, с. 269], чтобы в ней было воплощено действительно народное бессловное образование. С этой точки зрения попытки некоторых исследователей представить «Азбуку» как учебник по обучению грамоте, который был предназначен только для крестьянских детей, кажутся совершенно беспочвенными.

Литература

1. Рачинский С.А. Заметки о сельских школах // Русь. – 1881. – № 49.
2. Толстой Л.Н. Педагогические сочинения / Сост. Н.В. Вейкшан (Кудрявая). – М., 1989.
3. Толстой Л.Н. Педагогические сочинения. – М.: Учпедгиз, 1953.
4. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: В 90 т. – М.; Л., 1928–1958.
5. Черников И. Русская азбука, составленная по способу, облегчающему успехи в чтении, и украшенной многими рисунками. – СПб., 1853.

Александр Александрович Штец – профессор кафедры педагогики Мурманского областного института повышения квалификации работников образования и культуры, член-корр. Международной академии наук педагогического образования, г. Мурманск.